

Эпилог

Итого

«...Пройдет совсем немного времени, и забудется Манеж... А люди будут долго жить в его домах. Освобожденные им люди... И зла к нему никто не будет иметь – ни завтра, ни послезавтра. И истинное значение его для всех нас мы осознаем только спустя много лет... В нашей истории достаточно злодеев – ярких и сильных. Хрущев – та редкая, хотя и противоречивая фигура, которая олицетворяет собой не только добро, но отчаянное личное мужество, которому не грех поучиться и всем нам...» Так отозвался о Хрущеве кинорежиссер Михаил Ромм, я его цитировал в главе о скандале в Манеже и последовавших за ним событиях.

«Вот умру я, после моей смерти положат на одну чашу весов мои добрые дела, а на другую – худые. И перевесит добро, сделанное мною людям», – подводит итог жизни сам отец.

Давайте и мы подведем итоги хрущевского одиннадцатилетия. Времена отца, 1953–1964 годы, брежневская пропаганда без ссылок на какие-либо цифры и без всяких вразумительных объяснений объявила чередой неудач. После Брежнева советскую систему признали вообще не реформируемой, подлежащей сносу, но к хрущевским временам почему-то продолжают относиться особенно отрицательно.

Я не могу согласиться ни с теми, ни с другими. На самом деле все реформируемо, и Хрущев в своих реформах преуспел более своих предшественников и гораздо более своих «наследников». Только неудачники, разломавшие все напрочь, оправдываясь, в первую очередь перед собой, бормочут: «Не реформируемо, не реформируемо». Но на то они и неудачники.

Я не верю в реформаторство по заранее придуманному и продуманному сценарию от А до Я. Так мыслят догматики, с реальной жизнью очень мало знакомые. На самом деле реформа, как и война, состоит из череды боев, побед и поражений. Общий успех или неуспех кампании определяется приобретениями или потерями, не теми, о которых мечтали, а теми, которые получились. Приобрели больше, чем потеряли, – вы победитель, успешный реформатор. Нет – так нет. К сожалению, приобретения и победы тоже не вечны. Пришедшие на смену новые властители нередко сводят на нет все достижения как былых полководцев, так и реформаторов. Достаточно вспомнить Петра III, выведшего русские войска с германской территории, завоеванной кровью русских солдат, мастерством ее командиров во времена его предшественницы императрицы Елизаветы Петровны, отдавшего без каких-либо компенсаций Берлин. Обидно, но обида – не основание, чтобы валить в одну кучу алкоголика Петра III и Елизавету Петровну, даже если ее труды пошли прахом.

Еще печальнее судьба реформ, начатых в XIX веке императором Александром II. Наследники престола Александр III и Николай II свели все его усилия на нет, чем подвели страну к революционному взрыву и последующим пертурбациям Гражданской войны, сопровождавшимися голодом и большим террором.

После разрушительной Второй мировой войны российское общество на конец-то вступило в нормальную, присущую всем цивилизованным сообществам стадию реформирования, выстраивания жизни в соответствии с изменившимися внешними условиями. Я имею в виду хрущевское одиннадцатилетие. Что-то начало получаться, появилась вера в будущее, и... все повторилось – реформы Хрущева, так же, как реформы Александра II, свелись на нет в период правления «наследовавшего» ему Брежнева. Затем, в 1991 году, последовала

контрреволюция или, как ее сейчас модно называть – «реставрация». И все закрутилось по новой. Создается ощущение, что Россия пытается, но никак не может вырваться из заколдованного круга. И это кружение усугубляется российским максимализмом, при каждом новом повороте истории новые властители все построенное ранее сносят «до основанья, а затем...» начинают возводить с нуля собственное здание по собственному проекту.

Так поступал Петр I, не только передевавший своих бояр и остригавший им бороды, но вместе с боярским облачением он отбросил весь потенциал начавшихся до него преобразований. Ленин, объявляя всю предшествующую историю России одной большой ошибкой, на свой лад вторил Петру. Последнее поколение большевиков-антикоммунистов XXI века шло по стопам Петра и Ленина, убаюкивало себя сказками, что они продолжатели дела давно сгинувших в истории Столыпина, Александра III, Иоанна Кронштадтского, и на этом основании отбрасывало прочь накопленное их непосредственными предшественниками. Дело тут не в самом Столыпине и его реформах, просто его проекты уже давно и до основания разрушила последующая власть и для будущего они больше не пригодны. Вот и получается, едва новое здание удастся довести до второго этажа, как новое поколение «строителей» пускает его на слом, закладывает свой фундамент, возводит свои стены, и так повторяется из десятилетия в десятилетие, из века в век. Тогда как более прагматичные соседи России при всех самых страшных катаклизмах ухитряются сохранить достижения предыдущих поколений, вот и растет здание их государственности этаж за этажом. Просто обида берет и руки опускаются.

Сейчас, когда я пишу эти строки, постельщинские руководители пытаются восстановить разрушенное, и у них кое-что получается. У страны снова появилась надежда, и не дай бог, чтобы их реформы постигла та же участь.

Меня часто просят назвать основное достижение и главную ошибку Хрущева. Я терялся, размышлял, что сказать, какое достижение выбрать из множества, какую из ошибок посчитать главной? Потом меня осенило! Главная личная ошибка отца в том, что он вообще все это затеял: строительство пятиэтажек, целину, кукурузу, ракеты, космос, десталинизацию-демократизацию. Ему бы жить в свое удовольствие, ремонтировать старые царские дворцы и палаты да строить новые архитектурные шедевры. И дожил бы он до глубокой старости, и память о себе оставил бы не многоквартирными «хрущобами», а «произведениями зодчества», не кукурузной эпопеей, а красивыми парковыми ансамблями с диковинными деревьями и фонтанами. Что же до россиян и их жизни, то о них в России всегда вспоминали в последнюю очередь, если вообще вспоминали. Вот только такая жизнь отца не устраивала, и он прожил свою по-своему и без сожаления.

В этой книге я попробовал разобраться, что на самом деле происходило во времена отца. Смею надеяться, что кое в чем я разобрался.

Итак, главный вопрос: осуществил ли отец задуманное? И да, и нет.

Если взглянуть на эпоху Хрущева непредвзято, то несомненно, многое ему реализовать удалось. Не все и не до конца, но в 1964 году россияне жили лучше, чем в 1953-м. Не настолько лучше, как отец предполагал, не настолько лучше, как им самим хотелось, но много лучше, в большем достатке, в новых квартирах, с уверенностью в завтрашнем дне. «Не скажу, что все жили хорошо, но лучше не жили ни до, ни после». Это слова постсоветского историка Николая Барсукова.

Статистика, как советская, так и западная, антисоветская, свидетельствует, что пик уровня жизни в России в XX веке приходится на середину 1960-х годов. Существуют обобщенные показатели, характеризующие «здоровье» нации. Первый из них – продолжительность жизни. В начале XX века, перед Октябрьской революцией 1917 года, американцы жили на пятнадцать лет дольше россиян. Сталинские репрессии, затем война спутали все стати-

стические «карты», в те годы продолжительность жизни исчислялась совсем по иным канонам.

После войны условия существования постепенно нормализовались. С 1955 года продолжительность жизни советских людей неуклонно росла, в 1955–1956 годах составляла 67 лет, по сравнению с 47 годами в предвоенные 1938–1939 годы. С 1958 года по 1962-й продолжительность жизни увеличивается с 68,5 лет до 69,5, в 1964 году она достигает 70,5 лет. Для сравнения: американцы в 1958, и в 1960, и в 1962 году держатся на 70 годах и только в 1964-м этот показатель чуть подрастает – до 70,25. Затем кривые расходятся, уже в 1968 году продолжительность жизни россиян падает, сначала совсем немного, до 69,8 лет, а у американцев растет до 70,5. В 1980 году разрыв увеличивается: 74 с небольшим года в США, а в Советском Союзе до 1985 года она чуть колеблется между 67,7 и 69 годами. К концу XX века разрыв в продолжительности жизни в Америке и теперь в уже постсоветской России возвращается к исходным цифрам начала столетия – пятнадцати годам.

В 1962–1964 годах в СССР зарегистрирован и пик рождаемости, что свидетельствовало об уверенности людей в будущем. Одновременно вдвое уменьшилась детская смертность. В 1926 году из тысячи не доживало до одного года 78,9 родившихся, в 1953 – 68, а в 1964 – 29. К 1976 году этот показатель вырос до 31,1 на 1 000 родившихся. В результате в 1953–1964 годах население страны неуклонно увеличивалось и выросло с 178,5 миллионов человек в начале 1950-х годов до 229,2 миллионов к концу 1964 года.

Аналогичная картина и с мужской смертностью, к 1965 году она падает до самого низкого в XX веке уровня: 274 умерших на тысячу, а в 1973 года увеличивается до 312 тысяч, в 1981 году смертность достигает уже 357.

Приведу еще один экономический параметр: начиная с 1957 года эффективность хозяйственной деятельности оценивается как пропорция, составленная из капиталовложений к объему выпуска готовой продукции. Чем она ниже, то есть чем больше выработка на затраченный рубль, тем лучше.

Согласно статистике, приведенной в отчетах Мирового Банка за 1995 год, для СССР эти цифры минимальны в хрущевское десятилетие: 1,6 в 1950-е годы и около 2 в первую половину 1960-х, а потом начинают неуклонно расти и в 1970-е годы достигают 2,9. Сравнение хрущевской экономики 1953–1964 годов с азиатскими экономическими тиграми в период их бурного роста (японские – 2,3–3,2, южнокорейские – 2,8–3,7 и тайваньские 2,6–3,1) тоже оказывается в нашу пользу.

Эти обобщенные выводы подкрепляются и другими показателями, как то выработка на одного рабочего. В 1928–1939 годах она составляла в среднем 2,9, в 1940–1949 – 1,9, в 1950–1959 подскочила до 5,8 и далее покатила вниз: в 1960–1969 – она уже 3,0, в 1970–1979 – 2,4, в 1980–1987 – 1,4. Та же картина и с капиталовложениями на одного рабочего: в 1928–1939 – 2,9, в 1940–1949 – 1,9, в 1950–1959 достигнут пик в 7,4, в 1960–1969 – 5,4, в 1970–1979 – 5,0, в 1980–1987 – 4,0.

А вот любопытные цифры об обновлении инфраструктуры, я взял их из сборников «Народное хозяйство СССР» за разные годы. Отсчет начинается с 1970 года. Оборудование моложе 5 лет в этом году – 41,1 %, 6 – 10 лет – 29,9 %, 11–20 лет – 20,9 % и старше 20 лет – всего 7,8 %. С годами соотношение меняется, инфраструктура стареет, я решил не нагромождать цифру на цифру и в подтверждение приведу только усредненные данные: в 1970 году средний возраст оборудования – 8,30 года, в 1980 – 9,31 года, в 1985 – 9,91 года, в 1989 – 10,32 года.

Теперь квартирный вопрос. Панельное жилье в народе прозвали «хрущобами», иногда несколько вежливее «хрущевками». Звучит пренебрежительно, и для моего уха обидно. Несомненно, панельные пятиэтажки обветшали, но согласно всем расчетам, они подлежали сносу еще в 1980-е годы. Состоявшаяся по инициативе Хрущева «панельная революция» в

домостроении – знамение времени. Тут отец шел ноздря в ноздю с европейцами, в первую очередь с англичанами. После немецких бомбардировок во время войны они тоже испытывали голод на жилье и тоже утоляли его с помощью сборного железобетона.

С 1950 по 1964 год жилой фонд в Советском Союзе вырос более чем вдвое, а если в конкретных цифрах, то в 1952–1958 годах сдали в эксплуатацию около 380 миллионов квадратных метров жилья, в 1959–1965 годах еще 767 миллионов, то есть в среднем в год сдавали по 107 миллионов квадратных метров.

В новые квартиры переехали: в 1950 году – 5,3 миллиона человек, в 1951 – 5,4 миллиона, в 1954 – 6,5 миллионов, в 1956 – 7,8 миллионов, в 1957 – 10,1 миллиона, в 1958 – 11,5 миллионов, в 1959 – 12,6 миллионов, в 1960 – 12 миллионов, в 1961 м – 11,3 миллиона, в 1962 – 11,2 миллиона, в 1963 – 11 миллионов, в 1964 – 10,3 миллиона. В 1961–1964 годах число людей, получавших жилье, сократилось, но не из-за уменьшения вводимых квадратных метров, в те годы начали проектировать квартиры большей площади с улучшенной планировкой. В сумме получилось, что за 1953–1964 годы почти две трети населения страны улучшили свои жилищные условия, получили новые квартиры в городах, выстроили новые дома в деревнях, оставшиеся в старых квартирах заняли комнаты отселившихся соседей.

Одновременно с жильем возводилась и сопутствующая инфраструктура. В одном 1964 году выстроили: школ на 1,6 миллиона учеников, детских садов на 546 тысяч мест, больниц на 55 тысяч коек и так далее. Я не могу не вспомнить, что в те же годы начали тянуть по всей стране газопроводы, устанавливая в квартирах газовые плиты. С 1958 года по 1965 год число газифицированных квартир возросло в пять раз – с 2 до 10 миллионов 400 тысяч.

Несколько слов о доходах населения. Только в 1958–1964 годах заработная плата увеличилась в среднем с 67,9 в 1958 году до 98,7 рублей в месяц в 1964 году, то есть почти на пятьдесят процентов.

Принятым в 1956 году законом о пенсиях установили пенсионный возраст для мужчин 60 лет и женщин – 55 лет, а потолок «обычной», не персональной пенсии подняли до 120 рублей в месяц.

С 1958 года прекратилась ежегодная добровольно-принудительная подписка граждан на государственные займы, что одномоментно увеличило годовые доходы работающих на один, а то и на два месячных оклада. Это решение остановило строительство государственной финансовой пирамиды, в отличие от всех иных пирамид, к тому же еще и принудительной. Правда, отложили на двадцать лет и выплаты по старым долгам. Конечно, лучше бы займы упразднить, а платить продолжать. Вот только за счет чего: сокращения строительства жилья или сельского хозяйства? То есть за счет тех же простых людей. Мнения тут разнятся. Как и у всякой финансовой пирамиды, у этой находятся свои защитники.

Вслед за ростом доходов изменялась и структура расходов. Объем розничного товарооборота в 1958–1964 годах вырос с 68 миллиардов рублей до 105 миллиардов. Особенно быстро увеличивались продажи товаров длительного пользования, что всегда и везде свидетельствует о росте благосостояния нации. К примеру, в 1960 году население приобрело 4 миллиона радиоприемников, полтора миллиона телевизоров, миллион стиральных машин и пятьсот тысяч холодильников, а в 1965 году, соответственно, 5 миллионов, 3,3 миллиона, 3 миллиона и 1,5 миллиона. Я взял именно те годы, которые Брежнев объявил периодом упадка.

Параллельно с ростом благосостояния людей сокращалась рабочая неделя. Указом от 8 марта 1956 года на один час сократили рабочий день в предвыходные и предпраздничные дни, к концу 1960 года перешли с 8-часового на 7-часовой рабочий день, затем (в 1967 году) ввели 40-часовую рабочую неделю с двумя выходными.

Улучшилась и жизнь крестьян. Сталинские колхозы расплачивались со своими членами за наработанные ими трудодни из оставшегося после выполнения обязательств по

сдаче продукции государству и расчета за услуги МТС, что на деле сводило выплаты к символической сумме, а то и вовсе к нулю. Постановление от 6 марта 1956 года ввело ежемесячное авансирование труда колхозников в размере четверти от всех получаемых колхозом доходов плюс половины от авансов, выплачиваемых им государством за обязательные и необязательные поставки. В 1957 и 1958 году приусадебные хозяйства колхозников, рабочих и служащих освободили от принудительных поставок государству доли вырабатываемой на них продукции. В 1958 году колхозники получили паспорта, впервые в истории обрели право покидать свои селения, не спрашиваясь у властей. В 1964 году на них распространили пенсионное обеспечение.

Повышать зарплату и пенсию, сокращать рабочий день позволяет только растущая экономика. И она росла, доходная часть пополнялась не только за счет традиционных отраслей, химические новостройки окупались за два-три года. Отец назвал их «фабрикой денег». Через четыре года после начала освоения стала прибыльной и целина. Чтобы не казаться голословным, приведу некоторые цифры. Начну с промышленности, сравню 1950 год, последний год последней «сталинской» пятилетки, с 1964 годом:

	1950 г.	1965 г.
Ткани (млн м)	3,9	9,1
Обувь (млн пар)	226	486
Электроэнергия (млрд квт ч)	91	459
Нефть (млн т)	54,9	229
Газ (млрд куб. м)	29,9	110
Цемент (млн т)	10,0	64
Удобрения (млн т)	9,6	25,4
Сталь (млн т)	45,0	62,4
Уголь (млн т)	391	554

Рост, как видим, весьма значительный, но промышленность росла и раньше. А вот то, что удалось вытащить из трясины и сдвинуть с места казалось бы неподъемный воз сельскохозяйственного производства – заслуга Хрущева. За одиннадцать лет, с 1953 по 1964 год, валовая товарная продукция сельского хозяйства выросла на 75 процентов. Хотя одновременно народонаселение страны увеличилось на 41,2 миллиона человек, или примерно на 20 процентов, то и неспециалисту ясно, что на столе у каждого появилась немалая прибавка.

Из чего она складывалась?

Сбор зерновых вырос с 82,5 миллионов тонн в 1953 году до 152,1 миллиона тонн в 1964 году, причем львиная доля прибавки пришлась на целину. Если в 1953 году Сибирь и Казахстан давали в среднем 35 процентов от общесоюзного урожая, то в 1964 году – уже 55 процентов. В 1953 году государство закупило 31,1 миллиона тонн зерна всех видов, а в 1964 году – 68,3 миллиона тонн.

С 1953 по 1964 год потребление мяса увеличилось с 5,8 миллиона тонн до 10 миллионов тонн, молока – с 36,5 миллиона тонн до 72,6 миллиона тонн и яиц – с 16,1 миллиарда штук до 29,1 миллиарда. Таких впечатляющих результатов в животноводстве удалось добиться не только из-за уменьшения энтропии, но главным образом за счет насильственного внедрения кукурузы, принуждения к ней. Она стала основным и наиболее питательным кормом коров, свиней, птицы.

Обобщенное здоровье экономики любой страны оценивается по национальному доходу. Применительно к советскому периоду цифры разнятся, оно и понятно: статистика – наука «классовая», и отражает пристрастия заказчика. По советским данным, рост нацио-

нального дохода в 1951–1958 годах составил в среднем 11,4 процента, в 1958–1961 9,1 процента и 1961–1965 6,5 процента. В ЦРУ насчитали соответственно: 6,0; 5,8 и 4,8 процента.

По нынешним меркам (и те и другие), цифры весьма приличные, но и тут и там настаивает падение темпов. Беспокоило оно и отца, именно поэтому он и занялся новой реформой.

История подтвердила правильность нащупываемого отцом курса. Даже реформа Косыгина, «очищенная» от хрущевского радикализма, обеспечила существенный прирост экономики. У меня нет сомнений, что лекарство, избранное отцом для лечения первых симптомов болезни советской экономики, привело бы ее к полному выздоровлению. Естественно, речь не идет об отце как таковом. Отпущенное ему историей время истекло, почти истекло. Если бы преемники продолжали двигаться в избранном им направлении децентрализации, переположили на директорские плечи бремя борьбы с энтропией, то к 1980 году страна вышла бы на цифры экономического роста, предусмотренные прикидками Госплана на двадцать лет и записанные в 1961 году в Программу партии. Звалось ли бы общество коммунистическим или как-то иначе, уже совсем другой вопрос. Не в названии дело.

В подтверждение своих слов процитирую профессора Зеленина: «Концепция Хрущева сближается с современной китайской моделью рыночного хозяйства и коренным образом отличается от сталинского товарного производства особого рода». А мы убедились, что китайская модель оказалась более чем успешной. Могло такое произойти и у нас пятнадцатью годами раньше Китая.

Не произошло.

Человек по своей природе рациональный, отец не терпел расточительства или того, что он считал таковым, от «украшательства» в архитектуре, представительских расходов до «непроизводительных» оборонных затрат. Тратиться на вооружение, на содержание армии отец считал возможным исключительно в пределах необходимой для безопасности страны достаточности, и ни копейки сверх того.

В достижении своих целей он отдавал предпочтение дипломатии. Умело сочетая переговоры с давлением, вплоть до обострения ситуации, отец принудил США, против их собственной воли, признать за Советским Союзом равенство. Безопасность страны надежно обеспечивал ракетно-ядерный щит, что позволяло отцу начать радикальное сокращение обычных Вооруженных сил – с 5,5 миллионов человек в 1953 году до 2,5 миллионов в 1964-м, с тем чтобы к концу 1960-х годов низвести их численность до полумиллиона. Таким образом, не только экономилась ресурсы, но растущая экономика получала столь необходимые ей светлые головы и крепкие руки.

Отец прекратил строительство океанского надводного флота. Он не видел ему применения. Наша континентальная держава не зависела от морских коммуникаций, как США или Европа. Все необходимое для жизни: зерно, нефть, газ, металлы – мы производим у себя и доставляем потребителям по суше. Для визитов и показательных учений крейсера с авианосцами – слишком дорогое удовольствие. В подтверждение тому – вся история России. Корабли, с таким трудом построенные Петром I, сгнили за ненадобностью при его преемниках. За пределы Черного и Балтийского морей российские эскадры почти не ходили, за исключением разовых походов в Адриатику в XVIII веке и, к сожалению, Цусимы в начале XX века. Во время Крымской войны в XIX веке Черноморский флот, не найдя ему лучшего применения, использовали как заграждение, попросту затопили у входа в Севастопольскую бухту.

Отца до сих пор корят за уничтожение морской славы России. Но ему приходилось выбирать между морской славой и жильем, в том числе для офицеров и матросов. Или – или. Или крейсера, если кому-то удастся объяснить, что они дают безопасности страны, или квартиры, вместо одного крейсера тысячи квартир. Отец предпочел квартиры и не ошибся.

«Восстановленный» в 1970 – 1980-е годы надводный флот не принес стране ни славы, ни пользы, одни хлопоты и расходы на «разделку», так и не нашедших себе применения, ржавевших на свалках боевых кораблей.

«Сурово» отец обошелся и со стратегической авиацией. По заключению специалистов, до целей на территории США бомбардировщики сквозь противоздушную оборону пробиться шансов не имели. В ракетный век они становились несоразмерной обузой для бюджета.

Отец сократил и собирался сократить еще больше производство танков, пушек и другого вооружения. Сократить до уровня разумной достаточности. В результате высвободились немалые средства, они перебрасывались на жилье, сельское хозяйство и другие нужды. В те годы в Советском Союзе, да и в США тоже, в газетах для сравнения часто помещали рядом изображение авианосца или бомбардировщика, а рядом ряд стилизованных жилых домов, больниц и школ, столько, сколько можно построить взамен. Потому так много и строили тогда, что средствами распоряжались рационально.

Завоевание статуса мировой сверхдержавы с одновременным сокращением Вооруженных сил и военных расходов... – такое в истории мало кому удавалось.

Что еще вспомнить?

После смерти Сталина постепенно стал разрушаться «железный занавес», если в 1953 году СССР посетило всего сорок три визитера из западных стран, то в 1956 году их число возросло до двух тысяч, а в 1964 году уже – двадцать тысяч. Все они в основном бизнесмены, наиболее смелые из них, которым хотелось прояснить для себя возможности нового рынка. Вслед за бизнесменами потянулись и туристы.

Годы правления отца отмечены падением сталинского ГУЛАГа, политические заключенные вернулись из тюрем и лагерей в нормальную жизнь. Карательные органы утратили свой надгосударственный статус, превратились всего лишь в комитет при правительстве, что, согласно табели о рангах, ниже министерства, а возглавил комитет гражданский чиновник.

Вновь открывались закрытые в 1940-е годы литературные журналы, и возникали новые, возвращались из небытия старые авторы, и появлялись новые. Поэты читали свои стихи перед многотысячными толпами на городских площадях, в Политехническом музее, во Дворце спорта в Лужниках.

Из общества постепенно уходил страх. Отец писал в своих воспоминаниях: «Обязательно надо смелее предоставлять творческой интеллигенции возможность высказываться, действовать, творить. Творить!» Весьма громогласные конфликты поэтов и художников, пусть и с «самим» Хрущевым, в отличие от предыдущего периода советской истории, оканчивались сотрясением воздуха. Появились первые диссиденты. Власть не знала, как поступать, совершала ошибки, приноравливалась. Ее оппоненты тоже приноравливались.

«На период десятилетия правления Хрущева пришелся пик развития советской науки», – считает главный архивист Российской Академии наук Виталий Юрьевич Афиани.

В отношениях с религией дела обстояли иначе. Марксизм постепенно перерождался из научной теории в «единственно верное учение всемирно-исторического значения», во что-то наподобие Библии, Торы или Корана, в новую религию. Религиозные атрибуты становились все более отчетливыми: портреты Ленина в красном углу заменяли иконы, без цитат из новых «апостолов» не обходилось ни одно выступление, ни одна книга.

Любая нарождающаяся религия безжалостно уничтожает свою предшественницу. Христиане истово боролись с эллинизмом и с пантеоном римских богов, разрушали всё, что могли разрушить, остальное приспособляли под свои нужды, в храмах Зевса и Афины устраивали христианские церкви. В Советском Союзе шли тем же давно проторенным путем: церкви разрушали, сносили, использовали под научные лаборатории, клубы, кино-

театры, музеи или даже овощехранилища. Казалось, старая религия обречена. Отец даже пошутил однажды, что он еще при своей жизни успеет пожать руку последнему, уходящему в небытие священнику.

С церковью так, как с ней воевали в послереволюционные годы, Хрущев не боролся. Храмы не взрывали, церковную утварь не конфисковывали, священников не ссылали. Храмы, в первую очередь сельские, закрывались, как считалось, «за отсутствием прихожан», так же, как в самом начале XXI века, «за отсутствием учеников» закрывали сельские школы. Из имевшихся в 1953 году 13 508 храмов к 1964 году сохранилось 7 873, чуть больше половины. Церковь, однако, не умерла, но история ее постсоветского воскрешения к моей теме не относится.

Мог ли отец сделать что-то еще? Наверное, мог. Он мог бы окончательно восстановить справедливость и вернуть в Поволжье немецкую автономию и наконец-то решить проблему крымских татар. Мог бы закончить реформирование Вооруженных сил. Мог бы завершить реформу экономики и к 1980 году привести страну к записанному в Программу партии «изобилию», к достойной людей жизни, по недоразумению названной «коммунизмом». Он мог бы утвердить новую Конституцию и продолжить демократизировать советскую страну, вырвать общество из оков рабского самосознания, преклонения перед тираном, ибо в его понимании сталинизм – это удел рабов. Мог бы омолодить Президиум ЦК и передать власть, например, Шелепину с Семичастным. А Шелепин, почти наверняка, повернул бы все вспять. Остается гадать кто хуже: Шелепин – Брежнева или Брежнев – Шелепина?

Он мог сделать еще многое. Мог и одновременно не мог. Ему оказалось не под силу завершить начатое. Отец все больше уповал на своих преемников, неважно, придут они к власти в 1964 году или, как он рассчитывал, в 1966-м, после XXIII съезда. Но уповал он напрасно.

Закончу я тем, с чего начал эту, последнюю, главу. В 1964 году реформы Хрущева прервались так же, как прервались реформы Александра II. Царь-освободитель Александр II так и не успел подписать уже почти готовую Конституцию. 1 марта 1881 года он погиб от рук либералов, открыв дорогу «стабильности». Хрущева 14 октября 1964 года, к счастью, не убили, но изгнали из власти, тоже во имя «стабильности».

Не знаю, почему так испокон века происходит на Руси? Почему схожая судьба постигает реформаторов, не важно императора всея Руси Александра II или Первого секретаря ЦК Коммунистической партии Хрущева? В первом случае восстановление «стабильности» закончилось революцией, во втором – контрреволюцией. Хрен редьки не слаще.

Почему? За что?

Нет у меня ответа.

2008–2010